

Оставь надежду всяк сюда входящий.

Данте. Божественная комедия

В конечном счете использование живого для уничтожения других живых существ несет эмоциональный заряд, связанный с самими основами нашего вида... и может оказаться преступлением или нарушением человеком табу жизни.

Патрик Берш.

Тайная история биологических войн

ПРОЛОГ

Первым звуком, который услышал Габриэль, было звяканье цепи, прикованной к его левой лодыжке.

Голова болела нестерпимо. Скорчившись на боку, он провел пальцами по металлической поверхности, царапавшей его правую щеку. Это была, похоже, стальная вентиляционная решетка. Когда по такой проходят девушки, то у них взлетает вверх подол платья. Габриэль, вообще-то, любил такие решетки.

Он расслышал внизу журчание воды. Куда его притащили? И зачем? Он еще не проспался после дрянного вина, но точно помнил ту черную фигуру, словно вынырнувшую из ниоткуда, под мостом. Габриэлю почудилась гигантская птица, с клювом и длиннющими когтями, блеснувшими в свете луны, а потом он ощутил боль в затылке и зажмурился — чтобы проснуться здесь, в темени, непрогляднее, чем беззвездная ночь.

Он привстал во мраке, и сильный запах зашекотал ему ноздри. Мята. Да, пахло свежей мятой. Он не без труда дотянулся до закованной лодыжки и попытался высвободиться, как вдруг крошечный огонек замаячил позади. Он угадал пламя свечи, кружок робкого света, точно мыльный пузырь, в котором он, казалось, видел окружающее сквозь грязное стекло. Озираясь, он выхватывал лишь фрагменты действительности: кусок потолка, переплет решетки, край стены... Странный звук заставил его замереть. Он доносился с другой стороны от источника света. По диагонали, в углу, противоположном тому, где находился он.

Габриэль хотел было подняться, но в голове все закружилось. Он застыл на четвереньках, подобравшись, точно готовый броситься пес. Габриэль изрядно выпивал, да и ум уже притупился, но чутая опасность он умел. С годами в нем развился инстинкт выживания — просто так, голыми руками, его не возьмешь.

Очень быстро он сообразил, что странный звук был звяканьем цепи. Другой цепи.

В круге света возникла рука: пять молящих пальцев скрючивались, хватая тьму. Габриэль видел только эту руку, пытавшуюся дотянуться до свечи, и понял, что это вряд ли получится. *По ту сторону*, надо понимать, был кто-то, кого наверняка похитили и приковали, как и его.

Он осторожно пополз по металлической решетке, обдирая ладони и колени. Его остановила собственная цепь, натянувшись до предела. Тогда он тоже вытянул правую руку к свече, подражая другой руке, вцепившейся теперь в решетку, словно желая ее вырвать. Но Габриэль не смог коснуться ни свечи, ни раскрывшейся перед ним руки. Как он ни силился, как ни напрягал каждый мускул, каждую фалангу, все было тщетно.

Не успел он открыть рот, как слева от него, примерно в метре, возникла третья рука, маленькая и скрюченная. Потом еще одна, длинная и худая, обозначилась в последнем углу.

Над протянутыми друг к другу руками, между тенью и светом, появились лица.

Лица, обросшие густой бородой, морщинистые, с безумными глазами.

И тогда в поле зрения возник силуэт последнего человека. Он стоял, он не был прикован, весь в черном, в черной фетровой шляпе.

Пятница, 22 ноября 2013 года

Амандина Герен наблюдала за маленькой колонией грамотрицательных бактерий — несколькими сотнями единиц *Escherichia coli* — под линзами мощного микроскопа. Организмы, подкрашенные фиолетовой горечавкой, размером едва ли больше трех миллионных метра, плавали в питательном растворе. Микробиолог оторвалась от микроскопа и уступила место своему стажеру.

— Вот, посмотри, они испытывают легкий стресс.

Она догадалась, что Лео под дыхательной маской чувствует себя не лучшим образом. В этой стерильной среде работали с сальмонеллами, стафилококками, *listeria*, которые доставали из морозильников с температурой -80° , расположенных в углу лаборатории: эти бактерии редко смертельны, но обращаться с ними надо с крайней осторожностью.

— В состоянии стресса скорее я.

— В худшем случае заработаешь диарею на три-четыре дня. А вот скажи мне, каковы причины стресса у бактерий?

— Перепады температуры, холод, тепло, изменение окружающей среды с химической точки зрения... давление, освещенность.

— А каковы их стратегии противостояния стрессу?

— Они потребляют как можно меньше энергии, перестают двигаться или жмутся друг к другу. Некоторые бактерии, например сибирской язвы, образуют споры, чтобы защититься от окружающей среды.

— Отлично. Когда...

Кто-то энергично постучал в единственную прозрачную стенку охраняемой лаборатории типа УББ2¹. Амандина обернулась. Это был Александр Жакоб, руководитель Группы микробиологического реагирования, ГМР. Она кивком пригласила его войти, но он покачал головой. Очевидно, ему не хотелось облачаться в халат. Поняв это, она дала несколько указаний своему студенту, опустила маску, сняла перчатки и вымыла руки, тщательно оттирая каждый палец и между ними и уделив особое внимание коротко стриженным ногтям. Она вышла через тамбур. За ее спиной на двери висела желто-черная табличка — предупреждение о микробиологической опасности.

— У нас санитарная тревога. Ты можешь выехать через полчаса?

— Я работала над своей темой со стажером, но ничего страшного.

В этот день Амандина дежурила по микробиологии до семнадцати часов. Она должна была быть постоянно на связи и готова приступить к делу максимально быстро в любом месте Франции. Нечто вроде опергруппы при Национальной жандармерии², только по биоопасности, включавшей четырех ученых, титулованных и мобильных, из двенадцати сотрудников ГМР.

— Отлично. Поступил вызов из префектуры Севера. Мчись в орнитологический заповедник Маркантер, в Бэ-де-Сомм. Официальная причина закрытия парка — проблемы технического обеспечения. ИЭН³ требует полной секретности. Возьмете машину Жоана, он уже в курсе. Протокол обычный.

¹ Уровень биологической безопасности 2. (*Здесь и далее примеч. автора, кроме оговоренных случаев.*)

² *Национальная жандармерия Французской Республики* — части внутренних войск (ВВ), судебного конвоя, региональной и военной полиции Французской Республики двойного подчинения (Министерству внутренних дел и Министерству обороны Французской Республики). Наряду с Национальной полицией является важнейшей составной частью административного аппарата системы исполнительной власти Республики.

³ Институт эпидемиологического надзора.

- Очень хорошо. А истинная причина закрытия парка? Александр Жакоб имел секретный допуск и не был склонен к болтливости.
- Что можно, по-твоему, найти в птичьем заповеднике?

2

Амандина сказала стажеру, что работа окончена, сама вымыла и продезинфицировала оборудование, после чего бросила халат в корзину для зараженных отходов. Шпачки она не носила: ее волосы длиной от силы в несколько миллиметров едва прикрывали почти лысый череп, поражавший всех, кто видел ее впервые. Обычно такое встречается у мужчин, никак не у красивых рыжих женщин. Длинные волосы у Амандины можно было увидеть только на редких фотографиях, последние — трех-четырёхлетней давности.

Она заскочила в свой кабинет за кое-какими вещами и встретила с коллегой Жоаном Дютреем на переполненном паркинге Пастеровского института. Здесь, в Париже, как и в Лилле, тысячи увлеченных людей, верных духу Луи Пастера, исследовали рак, болезнь Альцгеймера, гены, боролись с недугами. «Исцелять иногда, облегчать часто, слушать всегда». И все это требовало великодушного участия. «Пастер-Лилль» и «Пастер-Париж» существуют в наши дни во многом благодаря жертвованиям.

Двое микробиологов прошли через кордон безопасности и оказались в сердце Пятнадцатого округа, недалеко от вокзала Монпарнас и его гигантской башни. Они отправились в путь на «рено-кангу» Жоана. В багажнике все необходимое оборудование уже было безупречно уложено между чемоданами и канистрами. В мире Жоана все должно было быть симметрично, наверно, по этой же причине длинный пробор делил его черную шевелюру ровно посередине. Амандина пристегнула ремень.

— Ты, может быть, больше меня знаешь об этом деле с Маркантером? Мне кажется, что Жакоб меня недолюбливает.

— Брось, он прекрасно к тебе относится, просто дай ему время привыкнуть к столице. Он приехал с Юга, еще не освоился. И потом, прикинь, какое на Жакоба давление. Легко ли явиться и принять бразды правления после ухода на пенсию одного из самых видных наших ученых...

Амандина покосилась на коллегу. Они были ровесниками, по тридцать четыре года, хотя Жоан выглядел старше со своим пробором, смотревшимся очень интеллектуально, маленькими усиками и черными, сросшимися в одну линию бровями. Диковинки природы можно найти не только в чашках Петри.

— Ну что там в парке Маркантер?

— Тревогу поднял один из гидов-натуралистов, наткнувшись в заповеднике на три трупа диких лебедей. Он дал знать директору. Тот, следуя инструкциям на случай обнаружения мертвых перелетных птиц, немедленно позвонил в НСА¹. Через полчаса эпиднадзор был в курсе и распорядился закрыть заповедник. Ветеринарные службы тоже едут туда.

— Перелетные птицы... Последняя тревога такого типа во Франции была в две тысячи седьмом, если мне не изменяет память.

— Да, в департаменте Мозель. И ничего угрожающего, просто какой-то вирус.

— Будем надеяться, что и здесь то же самое. У нас тут большие миграционные потоки, хорошего мало, если объявится H5N1², пусть даже, как сказал бы Жакоб...

— ...«Мы владеем ситуацией!»

Он заметил, что Амандина зевнула. Лицо его посерьезнело.

— Кстати, как поживает Фонг?

— Поживает... — Она вздохнула. — Жакоб не в меру любопытен, мне известно, что он пытается разузнать о моей личной жизни. Задает вопросы направо и налево. Не знаю почему.

— Почему? Потому что он в ответе за безопасность своей лаборатории, вот почему. А в ней найдется чем убить тысячи

¹ Национальное санитарное агентство.

² Вирус птичьего гриппа.

человек. Вот он и выясняет анамнез каждого из нас. Плюс к тому он слегка параноик. Естественно, раз у него допуск.

— Про Фонга знаешь только ты. Это ни в коем случае не должно дойти до ушей босса, ясно? Не хочу, чтобы он использовал мою личную жизнь против меня, если однажды ему вздумается ставить мне палки в колеса. Мне нравится выезжать на места, общаться с людьми. В лаборатории я иногда задыхаюсь.

— Ты можешь на меня положиться.

Она наклонилась к авторadio, попала на новости и предпочла переключить на музыку. Шлягер Гольдмана «Comme toi». Молодая женщина откинула голову на подголовник и посмотрела на дома предместья, почему-то вдруг притихшего. Безликие коробки, ни проблеска надежды. Серо, грязно, уныло, как заляпанное ветровое стекло. Особенно в конце ноября, когда начинаются затяжные холодные дожди. Она любила большие города и в то же время ненавидела их. Жоан понял, что лучше оставить ее в покое, и сосредоточился на дороге.

Два часа спустя они приехали в департамент Сомм. Природный заповедник находился прямо на берегу бухты. Выйдя из машины, Амандина потянулась и посмотрела на горизонт. Краски были типичны для осеннего дня, но молодая женщина подумала при виде Северного моря, катившего вдали свои волны, что оттенки серого могут быть изумительны.

Она вдохнула полной грудью свежий воздух. Наверно, надо было бы ей чаще приезжать на Северное побережье с Фонгом. Отдохнуть у моря, на природе, побыть вдвоем. Но у нее работа, экспертизы, лабораторные исследования — не продохнуть.

А сегодня...

Жоан подхватил оба их чемодана с оборудованием — по одному в каждую руку, вопрос симметрии, — и Амандина не возражала. Она взяла пустую канистру.

Исследователи представились директору заповедника:

— Жоан Дютрей, а это Амандина Герен, мобильная бригада ГМР института «Пастер-Париж».

Мужчина протянул им полную руку. Ему было лет пятьдесят, и очки в овальной оправе не скрывали тревоги на его лице.

— Я Николая Пьон. Двое из ветеринарной службы и двое пожарных уже на месте.

Директор повел их по заповеднику, который простирался, насколько хватал глаз. Большие клинья птичьих стай пересекали небо, движимые непостижимой волей к выживанию. Величественный балет... Одни следовали в раскаленные земли Африки, другие прибывали из ледяных северных краев. Амандина знала, что эта часть северо-востока Европы, наряду с Бельгией, Германией, Болгарией, была важным миграционным коридором, принимающим ежегодно десятки тысяч птиц. Жоан внимательно смотрел вокруг.

— Больше мертвых особей не обнаружено?

— Мы обошли заповедник, на первый взгляд все нормально.

— Что вы можете сказать об этих лебедях?

— По словам одного из моих сотрудников, еще вчера они были на пруду, вполне живые. Они летят с севера, в частности из России, на долгую зимовку. Этот вид редко встречается в Маркантере, и перелет в этом году запоздал. Наверно, зима будет мягкая. Или вообще от глобального потепления все пошло вразнос, поди знай.

Они подошли к небольшому водоему, посреди которого возились в лодке люди в масках и перчатках. Пожарные гребли, удерживая лодку на месте. Ветеринары доставали трупы лебедей и укладывали их в белые чехлы, которые, в свою очередь, заворачивались в биологическую упаковку. Птицы будут подвергнуты вскрытию в стерильных условиях лаборатории типа УББЗ+, по части безопасности там все на высшем уровне. С подозрением на птичий грипп не шутят.

Амандина посмотрела на других птиц на пруду. Утки, цапли, водяные курочки... Потенциальные носители вируса, которые вскоре продолжат свой перелет в менее суровые края. И станут, как любое живое существо, переносчиками микробов.

Исследователи облачились в защитную одежду: перчатки, комбинезоны, маски, бумажные бахилы. Жоан, надевая шапочку, объяснял директору процесс, пока Амандина доставала оборудование.

— Вдобавок к работе ветеринарных служб мы возьмем пробы воды, ила и отложений там, где есть испражнения мертвых лебедей. Вирус — если это действительно вирус — растворился в тысячах литров, но, сами понимаете, мы не увезем такое количество в багажнике, чтобы все проанализировать в лаборатории.

— Мы наполним канистру несколько раз, всасывая воду вот этим насосом, при помощи специальных фильтров изолируем микроорганизмы и сохраним в конечном счете лишь несколько миллилитров жидкости. Жидкости с высокой концентрацией микробов, — добавила Амандина.

Пьон нервно расхаживал взад-вперед. Объяснения, казалось, до него не доходили.

— Мои сотрудники ждут указаний, люди хотят попасть в заповедник. Когда я смогу открыть парк?

Ученые переглянулись. Жоан повернулся к возвращающейся лодке и дружески помахал рукой, предоставив объясняться Амандине.

— Мы возьмем пробы и передадим их в Национальный центр изучения гриппа при Парижском институте Пастера. Это единственная лаборатория, помимо Лиона, занимающаяся всем, что касается гриппа, в национальном масштабе. Через несколько часов, если все будет в порядке, мы узнаем, идет ли речь о вирусе птичьего гриппа H5N1.

— А если так?

— Ваш заповедник, вероятно, будет закрыт на несколько дней, пока мы не убедимся, что нет других мертвых птиц, и префект не примет решение.

— Закрыть весь заповедник из-за трех мертвых лебедей? Но...

— Нам очень жаль, но инструкции в случае подозрения на птичий грипп очень строгие. Вам не хуже нас известно о рис-

ке распространения этого опасного вируса в птицеводстве. Периметр безопасности должен быть максимально широк.

Пьон обреченно кивнул. Все эти меры казались ему явным перебором. Всего лишь каких-то три мертвых лебедя — в конце концов, может, было бы лучше никому ничего не говорить и выбросить птиц в помойку. Встревоженный, он ушел звонить.

Жоан и Амандина приветствовали сотрудников ветеринарной службы. Беседа была короткой и вежливой. Потом они заняли места в лодке, и сидевшие на веслах пожарные доставили их к поплавам, которыми коллеги обозначили места обнаружения лебедей. В водорослях на поверхности плавали испражнения.

— Готово дело!

Они молча наполнили канистру водой из пруда, взяли пробы ила, осадка, достали насос, установили фильтры, трубки и запустили систему. Аппарат был самодельный, но работал хорошо. Вода втягивалась в канистру и пропусклась через специальные фильтры, способные удерживать микроорганизмы больше двух часов.

Амандина ощутила легкий озноб, размещая пробы жидкости в специальную биологическую упаковку тройной толщины. Быть может, он там, невидимый, спящий, готовый напасть, пресловутый H5N1, вирус птичьего гриппа. Этот серийный убийца редко поражал человека — надо было вдохнуть его в очень больших количествах от уже больных птиц. Но если такое случалось, то каждый второй случай заканчивался смертельным исходом.

Дело сделано. Пара охотников за микробами незаметно удалилась со своими чемоданами и канистрой. Несколько любопытных туристов и орнитологов, ожидавших у входа в парк, проводили их взглядом. Их наверняка приняли за обслуживающий персонал. И тем лучше.

Перекусив в местной забегаловке, они выехали на автостраду и направились в столицу. Развязки, пробки, гудки. Амандина не заметила, как пролетел день. Почувствовав, что виски

стискивает боль, она поняла, что забыла принять пропранолол.

Они добрались наконец до Института Пастера. Пока Жоан доставал из багажника чемоданы, молодая женщина посмотрела на часы:

— Черт, почти семь. Я обещала Фонгу, что вернусь не поздно.

— Не беспокойся, я сам. Мне все равно надо кое-что доделать в лаборатории.

— Ладно, сначала займись дезинфекцией.

— И расслабься немного, ладно? Амандина, ты работаешь на износ.

— Трудно, но я попробую.

— Кстати, ты скажешь Фонгу про лебедей? У него еще есть связи в ВОЗ¹. Он мог бы дать нам горячие сведения, каких мы не дождемся от Жакоба.

— Что-то мне не хочется, чтобы он совал в это нос. Ты же его знаешь: когда он в теме, то ни за что не успокоится.

Жоан захлопнул багажник.

— Смотри сама, но это бы хоть заняло его.

— Фонг не скушает.

Она ответила довольно сухо.

— Ладно, держись, Амандина. До понедельника.

Держись... Он нашел верное слово.

Потому что, переступив порог своего лофта в предместье на юго-западе Парижа, она отнюдь не ощутила облегчения.

Скорее даже наоборот, это было испытанием.

З

Амандина приветствовала Фонга издалека.

Он помахал ей рукой через закрытую стеклянную дверь. Амандине хотелось обнять его, поцеловать, как сделали бы любые супруги, прошедшие день в разлуке.

¹ Всемирная организация здравоохранения.

Но она не могла этого сделать из-за плексигласовых перегородок.

Прежде следовало пойти под душ.

Удалить максимум микробов. Еще и еще.

В большом лофте, площадью двести двадцать квадратных метров, было две ванны, две гостиные и две кухни, большая и маленькая. Все перегородено небьющимся стеклом или цельными стенами, со сложной сетью прозрачных коридоров, чтобы супруги не пересекались.

Когда все шло из рук вон плохо, у нее было свое личное пространство, у него свое. Они ходили параллельными коридорами и никогда не посягали на территорию другого. Два отдельных существа, живущие под одной крышей в странном лабиринте.

В ванной Амандина сунула свою одежду в корзину для белья, стоявшую под набитым аптечным шкафиком. На стене висел календарь, где она отмечала все даты своих месячных. Она энергично намазала антибактериальным гелем, самым эффективным из имеющихся в продаже (его тестировали коллеги из Пастеровского института в Лилле), вспенила на голове шампунь, убивающий все микробы, и обильно ополоснулась горячей водой. Потом вытерлась полотенцем, выстиранным в специальных, антибактериальных порошке и кондиционере.

Перед зеркалом она набросила тайское кимоно из серого атласа и намазала лицо кремом. В тридцать четыре года ее гладкое, без единого волоска, тело казалось фарфоровым. Амандине была необходима эта чистота, чтобы хорошо себя чувствовать. После ритуала, продолжавшегося около часа, она могла наконец встретиться с мужем в одной из двух гостиных. В доме стояли увлажнители, которые, как правило, были эффективной защитой от микробов, и гигрометрические датчики. Гостиная Амандины находилась по другую сторону ультрапрочного плексигласового стекла, окруженного герметичными прокладками; у нее был свой телевизор, свое убранство, свой диван. Отсюда она также контролировала всю домашнюю электронику: автоматическое закрытие ставней, регулирова-

ние температуры, активацию сигнала тревоги, выключение света...

Фонг приготовил курицу по-тайски с кокосовым молоком. Две цветные тарелки стояли на маленьком круглом столике. Амандина прижала Фонга к себе, погладила по спине. Каждый день, когда она могла ощутить его, прикоснуться к нему, был днем, выигранным у болезни. И не важны были ни муки, ни жертвы, ни эти толстые стекла, за которыми они походили порой на рыбок в аквариуме.

Амандина убедилась, что курица хорошо прожарена, и открыла бутылку минеральной воды.

— Что, если нам съездить к морю вдвоем? На Северное побережье. Ветер и свежий воздух. Йод пойдет на пользу твоему организму. Там сейчас никого нет, не сезон, пляж будет только наш.

— Тебе захотелось просто так?

— Да, просто так.

Фонг задумался над предложением на несколько долгих секунд. Когда он размышлял, крошечные морщинки расходились гусиными лапками от его черных глаз. У него было круглое и мягкое лицо азиатского типа, небольшие залысины и зубы чистой белизны.

Он улыбнулся ей; от этой улыбки она до сих пор млела, после пяти лет брака. Ему исполнилось сорок три. Они познакомились на научном конгрессе по биологической безопасности, поговорили, усыпая речь варварскими названиями бактерий, и больше не расставались. Перед самой свадьбой Амандина спросила его, готов ли он жениться на женщине с таким опасным именем¹: ведь цианид, смертельный яд, который может убить так, что и не заметишь, пахнет миндалем.

— Я рискну. Миндаль может быть и сладким, — ответил он. — Да, море — это хорошая идея. Мне будет полезно немного проветриться. Завтра?

— Лучше в воскресенье. Будет свободнее на дорогах. Завтра я займусь уборкой, а потом посмотрим кино. Да, и еще, на

¹ Имя Амандина по-французски означает «миндалины». (Примеч. перев.)

следующей неделе я хочу взять отгулы, подам запрос в понедельник.

— Это правда?

— Я слишком заработалась, мне надо оторваться от пробок и сделать паузу в подготовке моей ЛРИ¹. Проводить больше времени с тобой.

— Тоже отличная идея.

Амандина кивнула на оригами, лежавшие на столе гостиной. Драконы, стрекозы, птицы невероятной сложности. Некоторые из них требовали сотен складываний и десятков часов работы. У Фонга были длинные и тонкие пальцы пианиста.

— Ну, сколько ты продал сегодня?

— Четыре. Двух скорпионов, одного оленя и сердце с крыльями, вон оно.

Прежде Фонг гонялся за микробами по всему миру. Теперь, запертый в четырех стенах, он делал бумажные фигурки. Но он держался. Его интернет-магазинчик, электронная переписка с незнакомыми людьми и пакетики, которые Амандина каждый день относила в абонентский ящик, позволяли ему сохранять подобие связи с миром.

— Чудесно, Фонг, у тебя все больше клиентов. Придется кого-то нанять, если так будет продолжаться.

Фонг спокойно отпил глоток воды. Он всегда оставался вежливым, учтивым, даже в самых ужасных ситуациях. Но Амандина знала, как не хватает ему внешней жизни, общества, даже простых прогулок, которые он совершал до болезни.

— Может, теперь расскажешь мне, что тебя мучит? Я чувствую, как ты напряжена.

Поколебавшись, Амандина решила рассказать ему о трех мертвых лебедях, о своей поездке с Жоаном в Маркантер, о подозрениях на грипп H5N1. Фонг внезапно заинтересовался. До работы в лабораториях инфекционной больницы Сен-Луи он три года трудился в ВОЗ в качестве эпидемиолога. Человек цифр, весь в статистике, расчетах, прогнозах. Пневмо-

¹ Лицензия на руководство исследованиями.

ния была его коньком, он много ездил, в Африку, Латинскую Америку, Мексику... Вдобавок о гриппе он тоже знал немало.

— Я не помню, говорил ли тебе о SHOC¹ Room.

— «Шокрум»? Что это? Восточная кондитерская?

Фонг не знал, шутит она или нет. У Амандины бывали порой неожиданные, даже нелогичные реакции. Видно, ум ее путался, смешивал все, с этой массой проектов, которые она вела одновременно. Пришлось объяснять:

— Ага, швейцарская восточная кондитерская. Она находится в женевских офисах. Это помещение, полное компьютеров...

— Где сотрудники-наблюдатели отслеживают различные очаги гриппа — особенно птичьего — по всему миру. Да, я знаю...

— Значит, тебе известно и то, что у них там есть система под названием GRHIN², отлавливающая все, что касается гриппа, в Интернете на семи языках. Его поисковики шерстят веб наподобие «Гугла». Газеты-онлайн, блоги, медицинские сайты — все. Несколько слов по-русски о мертвой птице — и через несколько секунд на экранах высвечивается информация...

— Впечатляет.

— Я позвоню бывшему коллеге, Клоду Бейзу, он передо мной в долгу. Мы наверняка разузнаем больше о твоих лебедях.

— Ты предлагаешь мне действовать через голову шефа, так?

— По правде сказать, твое дельце меня возбуждает.

— Меня тоже. И на худой конец, неплохо бы знать как минимум столько же, сколько этот психоригидный Жакоб.

Фонг набрал номер, поговорил несколько минут и повесил трубку.

— Похоже, там горячо.

¹ Strategic Health Operation Center — Стратегический операционный центр здоровья.

² Global Public Health Intelligence Network — Глобальная публичная информационная сеть здравоохранения.

— Горячо, то есть?

— Это все, что он мне сказал, сейчас у них там запарка. Но он обещал послать мне информацию по электронной почте сегодня вечером или самое позднее завтра. Я сказал, чтобы он поставил тебя в копию.

После вестерна, который они посмотрели, сидя на двух отдельных диванах, они проверили электронную почту и отправились в спальню, за ласками добравшись до этой комнаты, рассеченной надвое большим плексигласовым стеклом. Две входные двери, две кровати, *почти* рядом, но разделенные. На этот раз они вошли в одну дверь — которая запиралась на ключ, как все двери в лофте, — и легли вместе в кровать Амандины. Она никогда не заходила на территорию Фонга, кроме кухни.

Фонг любил гладить рукой голову жены, чувствовать, как коротенькие рыжие волоски покалывают ему пальцы. Он лег, дотянулся до коробки с защитными масками и передал ее Амандине.

— Ты уверен, что сегодня не твоя очередь?

— Абсолютно.

— Ладно, надену.

Она надела на голову резинку и прикрыла маской лицо. Так они не будут целоваться и обмениваться массой микробов. Амандина знала, что более двухсот типов бактерий передается в процессе обычного поцелуя. Фонг, со своей стороны, надел презерватив. Хоть и уверяли, что его болезнь не передается половым путем, Амандина не хотела, чтобы он подвергался малейшему риску.

Потому что опасность была не в нем.

4

Вот уже два года Фонг страдал синдромом приобретенного иммунодефицита взрослого возраста, СПИДВ. Редкая болезнь с симптомами, похожими на те, что наблюдаются при СПИДе у людей, зараженных ВИЧ-инфекцией. Но в отличие

от СПИДа синдром приобретенного иммунодефицита взрослого возраста вызывается не вирусом, передается не половым путем и поражает без видимых причин лиц тайского и тайваньского происхождения в возрасте около сорока лет.

Причину подозревали генетическую. Никакого лечения на данный момент не было. Слишком мало случаев, недостаточно исследований и финансирования. СПИД убивал миллионы человек, СПИДВ был каплей в море. По большому счету всем было на него наплевать.

У Фонга больше не было иммунной системы, он был безоружен перед микробами. Малейший гастроэнтерит, самый безобидный вирус извне — и он окажется на больничной койке там, где, по печальной иронии судьбы, прежде работал: в инфекционном отделении больницы Сен-Луи. Однажды простой насморк, подхваченный от Амандины, развился у него в острую респираторную инфекцию и едва не убил. Молодая женщина долго не могла простить себе свою оплошность.

Фонг отказывался от госпитализации, хоть и знал, что внешняя среда рано или поздно доконает его организм, если в ближайшие годы не найдут лечения. После инцидента с насморком Амандина решила, что они должны переехать, чтобы дышать хоть чуть-чуть более здоровым воздухом в безопасной для Фонга обстановке. Они продали свою парижскую квартиру, чтобы поселиться у леса в специально оборудованном лофте. Архитектор, знавший о болезни Фонга, разработал сложнейшие планы. Лабиринт коридоров, герметичные перегородки, очистительные фильтры, много плексигласа, замки на всех дверях, бронированный вход, сигнал тревоги... Настоящий бункер. Амандина всегда боялась взломщиков, нападения, которое могло бы оказаться роковым для ее мужа: микробы, принесенные ворами, воспалившаяся рана... Разумеется, Фонг не мог больше работать, заниматься спортом вне дома, контактировать с внешним миром. С кино, посещением музеев, даже с магазинами было покончено. Слишком много микробов.

Теперь, стоило молодой женщине приболеть или хотя бы заподозрить начало простейшего насморка — что случилось

несколько раз в год, — супруги переходили на карантин, разделенные стеклами, они общались при помощи усилителей звука. В распоряжении Фонга оставались его спальня, гостиная, ванная и большая кухня. Амандина оказывалась по другую сторону стекол, перемещаясь по паутине коридоров. Он стирал свое белье, Амандина свое. Если он хотел преподнести ей цветы, то их вручал курьер, а Фонг находился в метре за стеклом.

Узнав о болезни Фонга, Амандина тоже хотела бросить работу. Ведь при том, что она постоянно контактировала с микробами, жизнь мужа подвергалась опасности. Потом, по зрелом размышлении, она решила, что происходило скорее обратное: работа с опасными микроорганизмами, в зоне риска, при постоянной опасности заражения принуждала ее к ежесекундной бдительности.

Они были ее гневом. Ее наваждением.

Она поклялась, что ни вирус, ни бактерия не убьет Фонга, пока она живет с ним рядом. Она берегла его, как собственную плоть.

Оградить его во что бы то ни стало.

В эту ночь он вскоре уснул — он часто очень уставал, — а она, нежно погладив его по щеке, ушла в свой кабинет, где еще немного поработала. Тема ее исследований была связана с генетической и фенотипической изменчивостью некоего типа бактерий с непроизносимым названием, разбиралась в которых лишь горстка специалистов-микробиологов. Амандина поставила себе цель через год или два сдать на ЛРИ. Чтобы получить лицензию, нужно было с юных лет проявлять склонность к исследованиям, выделяться среди коллег, публиковать статьи. Это был ее случай, ей всегда хотелось понять мир. И попытаться, на микроскопическом уровне, добиться прогресса.

Но подготовка требовалась поистине титаническая. Она выматывала ее психологически.

Чуть позже она получила электронное письмо с личного адреса Клода Бейза, знакомого из ВОЗ, отправленное в 00:24. В теме значилось «Лебеди». Она открыла его и прочла.

Добрый вечер, Фонг (и добрый вечер, мадам Фонг).

Рад был слышать тебя по телефону, надо бы повидаться, если ты как-нибудь выберешься в Женеву. Я тоже иногда бываю в Париже, буду держать тебя в курсе.

Итак, вот новости насчет твоих лебедей. Три перелетные птицы из заповедника Маркантер — не единственные жертвы. Еще четыре лебедя были обнаружены позавчера на границе Нидерландов.

Три вчера утром в природном заповеднике Цвин в Бельгии. Один в Германии в среду вечером. Иными словами, на всей протяженности их миграционного коридора.

Мертвый лебедь в Бельгии был окольцован и оснащен GPS-передатчиком, принадлежащим Wildlife Conservation Society, неправительственной организации со штаб-квартирой в Нью-Йорке. Этот аппарат наверняка позволит узнать, где птицы подцепили болезнь, и определить ее очаг(и). Очевидно, что мы напали на след.

На данный момент результаты анализов этих лебедей еще не поступили из различных центров изучения гриппа; мы ждем. Как бы то ни было, знай, очень может быть, что большая бяка спокойно гуляет в кишках этих дражайших лебедей и в их испражнениях. И убивает их.

Будем начеку... Я буду держать тебя в курсе и немедленно сообщать обо всем, что происходит. Хоть это я могу для тебя сделать.

Разумеется, пусть это письмо будет спрятано в укромном уголке твоего компьютера.

Клод.

P. S.: Где ты теперь работаешь? Я не совсем понял твои слова.

Усталая Амандина выключила компьютер. Мертвые птицы — странно все это. Надо дождаться результатов. Если присутствие H5N1 подтвердится, Европейский союз, ВОЗ, ИЭН точно знают, как действовать. У них есть превентивные планы во многих областях — Биотокс, Вижипират, ORSEC, — в том числе и гриппа. Таким образом, наступит фаза второго плана гриппозной пандемии — хотя на этой стадии слово «пандемия» не вполне уместно, речь идет скорее о предпандемической тревоге, — состоящая в принятии мер и информировании, чтобы избежать распространения вируса в птице-

водческих хозяйствах: как и в Маркантере, затронутые водоемы будут изолированы, ветеринарные службы поставлены на ноги, проинформированы птицеводы, работающие вблизи зон риска. При малейшем подозрительном случае птицевод должен о нем сообщить, и все его птицы будут уничтожены.

Не может быть полумер с вирусами типа *Influenza*. Эти микроорганизмы слишком непредсказуемы. И опасны. Достаточно вспомнить знаменитую испанку — ученые до сих пор называют этот вирус вирусом-убийцей, — которая унесла в 1918-м миллионы жизней, убив больше народу, чем мировая война. И такое бедствие может возникнуть в любой момент.

Молодая женщина вымыла руки в своей ванной и вернулась в гостиную, чтобы погасить свет. Она покосилась на десяток оригами, лежавших на столе.

Ее взгляд остановился на белом лебедь, который раскинул крылья, словно хотел взлететь.

И может быть, унести к новым горизонтам этот чертов вирус.

5

Понедельник, 25 ноября 2013 года

— Чертов вирус!

Франк Шарко стукнул по экрану своего компьютера, будто мультяшка, заблокировавшая все пиксели, могла исчезнуть как по волшебству. Собственное бессилие его раздражало. Он и так-то с компьютерами не очень ладил. Люси Энебель, сидевшая на другом конце общего зала криминального отдела, на третьем этаже дома 36 по набережной Орфевр, подняла бровь и покосилась в его сторону.

— Думаю, у меня то же самое, что у тебя.

На экране человечек с лицом пирата непрерывно колотил по голове полицейского. При каждом ударе он противно вскрикивал: «Эх! Эх!» Внизу экрана стояла подпись: «CrackJack».

— Очень смешно.